УДК 140.81
DOI: 10.17223/1998863X/58/6

И.Н. Круглова, Р.А. Шакир

ЦИНИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ ПОВЕДЕНИЯ КАК СОЦИАЛЬНАЯ ТЕХНОЛОГИЯ

Рассматривается формирование цинического субъекта и цинической повседневности в результате перехода от «дисциплинарного общества» к «обществу контроля» в контексте «социальной технологизации» М. Фуко и акторно-сетевой теории. Делается вывод о развитии цинической стратегии как социального действия, направленного на уклонение от реальности, ускользание в поверхностно-оценочные модели поведения, приводящие к прокрастинаторским технологиям.

Ключевые слова: цинический субъект, циническая повседневность, актор-субъект, социальные технологии, масс-медиа.

Задолго до перехода человечества к стадии своего развития, получившей название «информационное общество» (или постиндустриальное, в зависимости от подходов к классификации), научные представления о сущности и природе социальных технологий были известны гораздо раньше первых попыток сформулировать их определения. Если понятийное закрепление социальных технологий появилось относительно недавно, то базовые принципы управления общественными процессами, структурными изменениями и ценностно-культурными основаниями непрерывно развивались от простого состояния к сложному на протяжении многих столетий.

В рамках современного социально-философского дискурса, образуемого многими исследовательскими традициями, обнаруживается большое разнообразие определений социальных технологий, у которых будет наличествовать одно общее основание, которое можно представить в виде универсального определения – это комплекс систематизированных методов, приемов, инструментов и способов, чей практический вектор применения направлен на реализацию общественных целей, от которых зависят высокие показатели эффективности и результативности как социального планирования и появления новых коммуникативных форм, так и содержательных аспектов информационной повестки принятия решений (и в повседневной жизни социальных субъектов, и на уровне международной политики).

Осмысление социальных технологий может транспонировать конфигурацию общественного сознания на более глубоких уровнях саморефлексии, поскольку связано с вопросами образования и развития различных паттернов и моделей социального поведения, в свою очередь обусловленных различными стратегиями действия, модусами социальности и актуализированных в пространстве «социального» маркер-тенденций. Понимание данных аспектов позволяет социальным акторам (или субъектам) разобраться в условиях общественного устройства и адаптационно реализовывать себя в них для удовлетворения личностно-общественных потребностей и фреймирования стабильного пространства «повседневной жизни». Современные социальные

технологии – это, в первую очередь, материально-смысловое единство источников и инструментов управления обществом, социальными институциями и стратами акторов (расширим данное определение интерпретацией социальной модели «актор-сеть» в контексте сетевого подхода). Если в рамках исторических периодов и эпох прошлого различные способы общественного устройства обладали более элементарными структурой и коммуникативными формами, то в наше время, из-за одновременно и количественного, и качественного усложнения всех аспектов интеракции (синергетический эффект в социальной плоскости), социальные технологии более не могут оставаться в положении традиционных аксиологических установок и передаваться из поколения в поколение без значительных изменений. Аспект их изучения в контексте социально-философской аналитики также требует поиска новых способов и приемов научного объяснения, продиктованных стремлением получения более глубоких знаний о принципах и причинно-следственных основаниях образования пространства «социального». Без этих знаний невозможны процессы стабильной реализации общественного прогресса и поддержания общества в продуктивно-функциональном состоянии.

Однако чем будет являться понятие «стратегии поведения» в исследовательском контексте «социальной технологизации» современного общества, и какое отношение к ней будет иметь «циническая повседневность»? Для раскрытия данных вопросов сначала обратимся к М. Фуко как одному из ведущих социально-технологических теоретиков XX в., а также свяжем выводы его философских воззрений с гносеометодологическими особенностями акторно-сетевой теории, чтобы в дальнейшем подступиться к обоснованию современных форм цинизма в качестве социальных технологий.

Стратегии поведения как условия и способы манипуляции общественным сознанием складываются исходя из междисциплинарного исследовательского контекста взаимодействия социальной философии, социологии, психологии, бихевиористики и когнитивистики. При этом процессуальность и актуальность праксиса социальных технологий как комплексной репрезентации стратегий поведения зависят от содержательного понимания природы социальной реальности. Если в социально-философской аналитике будут довлеть динамические способы объяснения природы социальной реальности, то это будет способствовать гуманистическому пониманию творческих и интеллектуальных возможностей человека как социального актор-субъекта, а также росту эффективности работы различных предприятий экономико-производственного характера и иных организационных форм общественных отношений.

Отечественная исследовательница Н.В. Гришина предлагает под «стратегией поведения» понимать определенную последовательность ментальных и поведенческих действий, направленных на достижение конкретной цели [1]. Данное определение сближает с исследовательской традицией М. Вебера, а точнее, с его типологией «социального действия», в основе которой лежит идея целерациональности как ключевого мотивационного компонента, побуждающего социального субъекта к действию. Исходя из этого, значения понятия «стратегии поведения» помещаются в область мотивационной проблематики, т.е. влияния факторов и стимулов (как внутренних, так и внешних) на процессы формирования устойчивых векторов субъектного целепола-

гания и продуцирования из них моделей социального поведения, понимание которых, в свою очередь, дает основание для ситуационного применения тех или иных социальных технологий манипуляций общественным сознанием.

В прочтении М. Фуко понятие «технологии» раскрывается в четырех смыслах: как деятельность, объект, знание и способ организации. То же самое касается и социальных технологий, при рассмотрении которых французский мыслитель ставит исследовательский акцент в их понимании на активности и методологической проблеме практик, реализующих действия социальных актор-субъектов. Несмотря на то что в своих работах Фуко рассматривает «технологии» с различных сторон (в «Археологии знания» и «Словах и вещах» – с точки зрения вопроса трансформации субъектов в объекты знания; в I томе «Истории сексуальности» и «Надзирать и наказывать» – с позиции изучения технологий, преобразующих человеческое существование в социальную предметность), в конечном итоге он отходит от ретроспективного изучения истории вещей в сторону «терминов, категорий и методов, через которые определенные вещи, в определенное время становятся в центре внимания всех процессов форм дискурса» [2. С. 8], отвечая таким образом на вопрос, как формируются вещи.

Для Фуко «социальная технологизация» применяется человечеством для осмысления себя и контроля «Иного», поскольку она затрагивает процессы обучения индивидуумов манипулировать другими индивидуумами (один из срезов «социализации») и формирования мировоззренческих установок с ситуационными компетенциями. Вместе с тем, если следовать логике «объяснения посредничества» [3. Р. 114], то технологии – это посредник между миром культуры и физическим миром, между смыслом и материей. Посредством технологий мы, как социальные актор-субъекты, реализуем себя в мире. Технологии являются не просто прослойкой между нами как продолжением «социального» и картезианским *res extensa*, но самостоятельным участником интеракции – медиатором акторного взаимодействия процессуальных сущностей, чья интеракция может влиять на то, как быть человеком в изменчивом мире.

Осмыслению природы «технологий» немецкий социолог и философ, Ю. Хабермас, посвящает свою типологию, согласно которой существует три типа значений перспективы технологической применимости. Первый тип – производственные технологии, цель которых лежит в создании различных вещей и их сборке; второй тип – знаково-символические технологии, связанные с коммуникационной сферой социальных субъектов и процессами смыслопорождения; третий тип – политические технологии (или технологии власти), которые основываются на принципах доминирования, тотального подчинения, воздействия и определения индивидуального поведения. М. Фуко прибавляет к данной типологии четвертый тип – технологии самости, через которые социальные акторы могут более эффективно себя проявлять в динамических условиях общественного этоса через самоактуализацию и манифестацию собственных средств трансформации себя в новые конфигуративные сборки статусно-ролевых значений.

Для Фуко (в более поздний период творчества, следующий за средним – «генеалогическим», периодом) наибольшее значение для «социальной технологизации» имеют последние два типа технологий – технологии власти и са-

мости, поскольку через них наиболее полно раскрываются ключевые аспекты западного субъективизма. Эти два типа технологий сосредоточиваются не на всем содержании тех или иных ассоциативных общностей, а на отдельных индивидах и особенностях маршрутизации их целеполагания.

В своей работе «Надзирать и наказывать» французский мыслитель в качестве объекта рассмотрения и анализа берет именно технологии власти, а точнее, ту ее модификацию, которую маркирует в качестве паноптизма. Такая модификация социальных технологий в политической оптике заслуживает исследовательского внимания, поскольку несет в себе аспект важной трансформации властных институций, уходящей корнями в период XVIII–XIX вв. Трансформация затрагивает плоскость социального контроля, когда политический фокус смещается с прямолинейного наказания тела к латентному наказанию души и разума. Попытки как проявление модуса тотальной «карающей длани» заменяются на более «спокойные» и рациональные практики «дисциплинарных наказаний», что приводит к образованию нового «режима социальности» – режима правил и предписаний, охватывающих все аспекты человеческого существования. «Дисциплинарные общества» и «буква закона» становятся одними из ведущих оснований нового состояния социальной реальности. Все это закладывает новый образ общественных отношений – общество модерна, которое исторически актуализируется несколько позже «дисциплинарных обществ», на рубеже XIX–XX вв., давая старт развитию «общества контроля» (Ж. Делёз). В рамках такого «общества» образуется «формальное знание о том, что все социальные институты обречены на предсмертную агонию» [4]. Здесь речь идет об организации формальных ритуализированных практик и прокрастинаторских стратегий поведения людей, призванных занять их время «чем-то отвлеченным» и менее важным, чтобы они смогли «уходить от проблем» до тех пор, пока социальная реальность не будет стабилизирована полным переходом от состояния «дисциплинарных обществ» к состоянию «обществ контроля».

«Дисциплинарные общества» Фуко – это общества классического модерна, не испытывавшие на себе влияния духа постметафизических проектов XX в. Таким образом, являясь отражением парадигмы постмодернистской чувствительности, «общество контроля» уже не интересует проблема объективной истины или даже субъективной правды. Вместо этого манифестируется стремление к репутации (образу поверхностного восприятия чего угодно – людей, социальных явлений, трендов, вещей и пр.) как единственно важной ценности, что, в свою очередь, говорит о формировании цинической стратегии поведения. В ходе определения цинической стратегии поведения как ценностнорационального социального действия (а также социальной технологии) оно может быть сформулировано как эвалютивное, т.е. поверхностно оценочное действие – аксиосуррогат – негативное выхолащивание ценностных представлений и образование внутренней пустотности их значений в социальной реальности «дисциплинарного общества», что приводит, в свою очередь, к прокрастинаторским алгоритмам «общества контроля» – неумению справляться с жизненными проблемами, и болезненным психологическим эффектам в процессе взаимодействия актор-субъекта с социумом.

Общество модерна, т.е. современное общество, является источником, носителем и транслятором цинических умонастроений, стратегий поведения и

онтосоциального пространства «цинической повседневности». В цинизме, по мнению немецкого философа П. Слотердайка, угадывается «эмблема современности» [5], определяемая им в качестве «структурного хаоса» социальной реальности, последовавшего за провалом проекта Просвещения. Результатом упадка просвещенческих идеалов, определивших развитие модернистского общества, является «ложное просвещенное сознание» [6. С. 20].

В ходе краха просвещенческих идеалов произошли переоценка классической рациональности в научном сообществе и как следствие этого – переход общества к состоянию модерна с установлением инструменталистского понимания рациональности. Инструменталистский рационализм, с присущей ему тягой к ужесточению формализации отношений, спровоцировал становление общества модерна как общества латентно-цинического, поскольку в его рамках воспроизводится отказ от классического «прямолинейного онтологизма» [7], приводящего общественные нормы и идеалы к состоянию относительной истинности. В этом случае цинизм предстает в виде выхолащенной рациональности, ведущей к образованию формализованных моделей социального поведения, а также в качестве знакового атрибута процессов десаκραлизации и деонтологизации значений социальной реальности.

Принцип разумного сомнения Р. Декарта, как одно из начал «ложного просвещенного сознания», приводит к принципу «ускользающей реальности», как его выразил В.Т. Адорно. Согласно последнему, «ускользающая реальность» характеризуется «понятием „тотальности“, выражающим многообразие отношений между частью и целым на различных уровнях реальности» [8. С. 50]. Тотальность или целостность – это «взаимосвязь отношений между частями и целым» [9. С. 81]. Результат тонкого взаимодействия обоих принципов побуждает современного человека, которого Слотердаик называет циническим субъектом, следовать поведенческой стратегии «вечного уклонения», т.е. «цинического уклонения» [6. С. 32]. Цинический субъект, являясь частью общества модерна, содержит в себе стойкие общественные интенции разочарования и бессилия, порождающие социальные установки равнодушия и безразличия.

Общество модерна как исторический показатель наибольшего сосредоточения общественной рефлексии определяет феномены модерна и постмодерна как устойчивые социальные состояния, при которых социум стремится к рекурсивному переосмыслению самого себя. В связи с этим происходит обострение процессов формализации общественных отношений, самоотчуждения человека от своей самости, вызревания цинических умонастроений, в результате чего образуется феномен «масс-культурной отсылки» [10]. Масс-культурная отсылка, являясь промежуточным звеном, отделяющим содержание информационного сообщения от его знаково-символической формы, образует заикленную на себе самой пустотную, т.е. содержательно выхолащенную, репрезентацию. Практика таких отсылок развивает информационное поле масс-медиа и блогосферы, уводя его в сторону поверхностно-развлекательной направленности, в рамках которой целевой аудитории не предъявляются жесткие требования проявления критического мышления, что только находит позитивный отклик у зрителей.

Цинический субъект, всегда функционируя на грани распада, следует поведенческой стратегии «вечного уклонения», при этом оставляя вполне

конкретные «следы» – остаточные представления о социальной реальности или ее более конкретизированной части. Такие «следы» – суть устойчивые маркеры, яркие, как неоновые огни ночного города, на которые невозможно не обращать внимание, а значит, можно использовать в контексте «социальной технологизации», манипулируя общественным сознанием как вполне действующим инструментом информационной повестки современного дня. В данном контексте важно упомянуть английского философа «Тимоти Бьюза, который следует слотердаевской трактовке цинизма как „просвещенного ложного сознания“ и, таким образом, приходит к выводу, что цинизм в форме апатии, усталости и пораженчества, которые он относит к основным чертам постмодернизма, парализует всякую политическую и социально-повседневную волю, наоборот, требующую „веры в невозможное“» [11. С. 4–5]. Т. Бюз считает, что современный цинический субъект, в отличие от афинского киника, слишком подвержен социальной апатии; он погружен в себя и всегда готов смириться с тяжестью переживаемых испытаний, «нежели бравировать своим опытом отчуждения» [11. С. 8]. «Цинизм означает отказ иметь какие бы то ни было отношения с миром, кроме антагонистических, побег в одиночество, уход в себя и неприятие политики ввиду ее фальши. Современный цинизм – это состояние разочарования, которое может проявляться вспышками эстетизма или даже нигилизма. Цинизм отбрасывает эмоциональную и возвышенную шелуху с ценностей, поэтому абстракции истины и целостности гораздо более важны для него, чем такие политические добродетели, как активность и изобретательность» [11. С. 8–9], – пишет английский мыслитель. Отсюда следует, что, являясь вполне распознаваемыми маркер-тенденциями и модусами социальности, современные формы цинизма закладываются в основу стратегий поведения, осмысленные и проанализированные репрезентации которых составляют суть современных социальных технологий. Это подразумевает аспект предсказуемости и «читаемости» у проявлений цинических умонастроений, формирующих стабильное пространство «цинической повседневности», которое в наше время пополняют все большее количество социальных актор-субъектов.

Есть ли вероятность корректировки описанного типа стратегий поведения? Этот вопрос пока открыт, поскольку циническая трансформация всего «социального» еще не завершена. А будет ли она завершена полностью? Хотя данный вопрос также остается без ответа, все же ясно одно – существующие социально-правовые институты в этом вопросе пока не работают.

Итак, в пространстве технологии власти и технологии самости – двух основных стратегий формирования дисциплинарных обществ – происходит переход к обществу контроля, характерного для второй половины XX в. В результате этого перехода организуется циническая стратегия поведения как ценностнорациональное социальное действие, направленное на уклонение от целостной реальности, ускользание в поверхностно оценочные модели поведения, приводящие к прокрастинаторским алгоритмам взаимодействия актор-субъекта с социумом, в связи с чем можно говорить об образовании «цинической повседневности», парализующей политическую и социальную волю людей, порождая феномен всепоглощающей масс-культурной отсылки. Когда-то Эпиктет сравнил киника с лазутчиком и шпионом, который разведывает положение противника: исследуя границы человечности, где может

осуществляться отказ от всего внешнего, чужого и пустого, они пытались установить человека в наготу своего собственного «Я» [12. С. 188]. М. Фуко определил киников как «философских героев», которые из всех античных философов наиболее радикально соединили образ жизни с практикой высказывания истины [13. С. 221]. Циническая стратегия поведения как отказ от поиска своего «Я» и удовлетворение формальными ритуализированными практиками, являясь маркер-тенденцией развития современного общества, в какой-то степени становится тем же самым лазутчиком, но с обратным значением – показывающим, что ждет человечество, впадающее в социальную апатию и отклоняющееся от ценностей, ставших ложными и потому отброшенными, но также отказывающееся от поиска и обновления жизненных ориентиров, способных к веридикции истины.

Литература

1. Гришина Н.В. Определение «стратегии поведения» // Кашапов М.М. Основы конфликтологии / М.М. Кашапов; М-во образования и науки Российской Федерации; Федеральное агентство по образованию; Ярославский гос. ун-т им. П.Г. Демидова. Ярославль : Ярослав. гос. ун-т, 2006 (Ярославль: Ремдер). 115 с.
2. Rajchman J. The Story of Foucault's History // Social Text. 1984. № 8. P. 3–24.
3. Verbeek P. What Things Do: Philosophical Reflections on Technology. University Park : Pennsylvania University Press, 2005.
4. Делёз Ж. Post scriptum к обществам контроля / пер. с фр. В.Е. Быстрова // Международная ассоциация трудящихся. URL: <https://aitrus.info/node/754> (дата обращения: 16.11.20).
5. Смирнов И.И. Между цинизмом и кинизмом // Альманах «Studia culturae», Studia culturae. Вып. № 3. СПб. : СПб. философское общество, 2002. С. 154–160.
6. Слотердайк П. Критика цинического разума / пер. с нем. А.В. Перцева. Екатеринбург : У-Фактория ; М. : АСТ МОСКВА, 2009. С. 20 (Philosophy).
7. Стёпин В.С. Философия науки. Общие проблемы // Центр гуманитарных технологий. 18.03.2012. URL: <https://gtmarket.ru/laboratory/basis/5321/5328> (дата обращения: 16.11.2020).
8. Сивков Д.Ю. Концепция «ускользающей реальности» в философии Теодора В. Адорно // Вестник Самарской гуманитарной академии. Сер.: Философия. Филология. 2009. № 1 (5). С. 48–59.
9. Адорно В.Т. Эстетическая теория / пер. с нем. А.В. Дранова. М. : Республика, 2001. 527 с. (Философия искусства).
10. Скаррь А. Поор Team Epic. Мысли об обществе масс-культурной отсылки // Good Old Nerpach. URL: <https://gonerpach.ru/pop-team-epic/> (дата обращения: 16.11.2020).
11. Зеленский С.А. От переводчика // Бьюз Т. Цинизм и постмодерн / пер. с англ. С.А. Зеленского М. : ИД «КДУ», 2016. С. 4–5.
12. Эпиктет. Беседы / пер. Г.А. Тароняна. М. : Ладомир, 1997. 312 с.
13. Фуко М. Мужество истины. Управление собой и другими II. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1983–1984 учебном году: пер. с фр. СПб. : Наука, 2014. 358 с.

Ratmir A. Shakir, Krasnoyarsk State Agrarian University (Krasnoyarsk, Russian Federation).
E-mail: ratmirshak@gmail.com

Inna N. Kruglova, Krasnoyarsk State Agrarian University (Krasnoyarsk, Russian Federation).
E-mail: inna_krug@mail.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2020. 58. pp. 59–66.
DOI: 10.17223/1998863X/58/6

THE CYNICAL STRATEGY OF BEHAVIOR AS A SOCIAL TECHNOLOGY

Keywords: cynical subject; cynical lebenswelt; actor-subject; social technologies; mass media.

This article examines various aspects and foundations of the formation of a cynical subject and cynical lebenswelt as a result of the transition from a “disciplinary society” to a “society of control”. The authors proceed from the thesis that strategies of behavior as conditions and methods of manipu-

lating public consciousness depend on a meaningful understanding of the nature of social reality. Dynamic ways of explaining the nature of social reality contribute to a humanistic understanding of the creative and intellectual capabilities of a person as a social actor-subject. Based on the typology of “social action” by Max Weber, strategies of behavior are actualized in the field of motivational problems. Enriching the understanding of models of behavior with the ideas of Michel Foucault’s “social technologization” and actor-network theory, two main social technologies characteristic of a “disciplinary society” are distinguished: technologies of authority and technologies of the self. Technologies of authority are based on the principles of dominance, influence and determination of individual behavior. However, in modern society, these technologies are not productive, without technologies of the self, without social actors, to effectively express themselves in the dynamic conditions of the social ethos. The interaction of technologies of authority and technologies of the self contributes to the transition to a “society of control” characteristic of the second half of the 20th century. The “society of control” led to the formation of formalized models of social behavior, to desacralization and deontologization of the meanings of social reality. As a result, the authors deduce an assumption about the development of modern social technologies as representations of cynical strategies of behavior. A cynical strategy of behavior is understood as a value-rational social action aimed at avoiding a holistic reality, slipping into superficially evaluative models of behavior, leading to procrastinatory algorithms for the interaction of the actor-subject with society. A “cynical lebenswelt” is formed, paralyzing the political and social will of people, giving rise to the phenomenon of an all-consuming mass-cultural referral. The cynical strategy of behavior as a refusal to search for one’s self and for veridiction of truth and as satisfaction with formal ritualized practices is a marker trend in the development of modern society. The research uses the following methods: social typology by Weber, the concept of social technologization by Foucault, the ideas of the actor-network theory.

References

1. Grishina, N.V. (2006) *Opređenje “strategii povedeniya”* [Definition of “behavior strategy”]. In: Kashapov, M.M. *Osnovy konfliktologii* [Fundamentals of Conflictology]. Yaroslavl: Yaroslavl State University. [Online] Available from: <https://vocabulary.ru/termin/strategija-povedeniya.html> (Accessed: 16th November 2020).
2. Rajchman, J. (1984) “The Story of Foucault’s History”. *Social Text*. 8. pp. 3–24.
3. Verbeek, P. (2005) *What Things Do: Philosophical Reflections on Technology*. University Park: Pennsylvania University Press.
4. Deleuze, J. (2004) *Post scriptum k obshchestvam kontrolya* [Post scriptum to control societies]. Translated from French by V.E. Bystrov. St. Petersburg: Nauka. [Online] Available from: <https://aitrus.info/node/754> (Accessed: 16th November 2020).
5. Smirnov, I.I. (2002) *Mezhu tsinizmom i kinizmom* [Between cynicism and cynicism]. *Studia culturae*. 3. pp. 154–160.
6. Sloterdijk, P. (2009) *Kritika tsinicheskogo razuma* [Critique of Cynical Reason]. Translated from German by A.V. Pertsev. Ekaterinburg: U-Faktoriya; Moscow: AST MOSKVA.
7. Stepin, V.S. (2006) *Filosofiya nauki. Obshchie problemy* [Philosophy of Science. Common Problems]. Moscow: Tsentr gumanitarnykh tekhnologiy. [Online] Available from: <https://gtmarket.ru/laboratory/basis/5321/5328> (Accessed: 16th November 2020).
8. Sivkov, D.Yu. (2009) The conception of elusive reality in T.W. Adorno’s philosophy. *Vestnik Samarskoy gumanitarnoy akademii*. 1(5). pp. 48–59. (In Russian).
9. Adorno, V.T. (2001) *Esteticheskaya teoriya* [Aesthetic Theory]. Translated from German by A.V. Dranov. Moscow: Respublika.
10. Sknar, A. (2018) *Poop Team Epic. Mysli ob obshchestve mass-kul’turnoy otsylki* [Poop Team Epic. Thoughts on a society of mass-cultural reference]. [Online] Available from: <https://gonerpach.ru/pop-team-epic/> (Accessed: 16th November 2020).
11. Zelensky, S.A. (2016) *Ot perevodchika* [From the translator]. In: Buse, T. *Tsinizm i postmodern* [Cynicism and Postmodernity]. Translated from English by S.A. Zelensky. Moscow: KDU. pp. 4–5.
12. Epictetus. (1997) *Besedy* [Discourses]. Translated from Ancient Greek by G.A. Taronyan. Moscow: Ladomir.
13. Foucault, M. (2014) *Muzhestvo istiny. Upravlenie soboy i drugimi II. Kurs lektsiy, prochtannykh v Kollezhe de Frans v 1983–1984 uchebnom godu* [The Courage of Truth: The Government of Self and Others II; Lectures at the Collège de France, 1983–1984]. Translated from French. St. Petersburg: Nauka.